

ЮБИЛЕИ

К 90-летию со дня рождения И. Р. БЕХЕРА

«Поэты должны провожать к могиле его творения. На похоронах Нарбюса перед гробом несли на подушках его книги. На каждой подушке — книга», — писал Иоганнес Р. Бехер в своей «Защите поэзии».

Длинную вереницу составили бы провожающие, если бы за гробом самого Бехера — одного из крупнейших теоретиков и практиков социалистического искусства нашего столетия — понесли подушки с его книгами. Вся громадность им созданного особенно наглядна сейчас, когда к 90-летию со дня его рождения в ГДР завершено издание собрания его произведений в восемнадцать томах. Значительную часть в этом издании занимают размышления Бехера о сущности поэзии, о значении и назначении литературы, о писательском труде, о месте художника слова в жизни и борьбе народа.

Поэта, пламенного антифашиста, активного строителя нового общества, выдающегося общественного деятеля волновали не только профессиональные вопросы художественного творчества, но и проблемы и события общественной и политической жизни. Эпиграфом к эстетическому наследию Бехера может служить публикуемое нами сегодня эссе, которым он завершил одну из книг своей критико-теоретической тетралогии: «Попытки» («Защита поэзии», «Власть поэзии», «Поэтическое вероисповедание», «Поэтический принцип») и которых входит в книгу «Иоганнес Р. Бехер. О литературе и искусстве», выпускаемую к юбилею поэта издательством «Художественная литература».

Е. КАЦЕВА

И. Р. БЕХЕР

Любовь моя, Поэзия

Я так сильно любил тебя, что угадывал каждое твоё желание и не находил покоя, пока не исполнял его. То была любовь с первого взгляда. Что бы я ни брал на себя во имя твоё, это время никогда не пригибало меня, ибо я нес его ради тебя и тяжкий труд был мне в радость — так сильно я любил тебя. Бурную юношескую влюбленность сменила страстная любовь зрелого мужа, и в вечернюю зарю старости снова разгорелась любовь к тебе, как в первый раз. Мне было нелегко завоевать тебя. Ты не снизошла к мечтательному юноше, ты подвергала его чувство многим испытаниям и лишь тогда подарила меня вниманием, когда убе-

дилась, что любовь моя глубока и долговечна. Ради тебя я брал на себя много такого, что люди толковали превратно, ибо не понимали, что я делаю это ради тебя, из любви к тебе. Так, время от времени я покидал тебя и, чтобы следовать твоим врагам и вступить с ними в бой, уходил далеко-далеко, туда, где тебе, моей любви, моей родине, еще не угрожала непосредственная опасность, — так сильно я любил тебя. Я так сильно любил тебя, что не отвергал даже того, что глубоко претило мне,

и пускался на многое, что не только пачкало руки, но причиняло вред и душе, а следовательно, и моей любви к тебе. Я жил лишь для тебя, и всегда и везде, как бы ни казалось, будто я отошел или даже отступился от тебя, я был неразлучно с тобой и безраздельно твой. Ныне, когда я, состарившись, стою перед тобой, мне кажется, я могу, не опуская глаз, встретить твой устремленный на меня испытующий взор, которым ты измеряешь силу моей любви к тебе. Ничто иное не направляло течения моей жизни, кроме любви к тебе. Ты была моим «Ты», пред которым я благоговел, но вместе с тем ты так глубоко срослась со мной, что я говорил сам с собой, когда обращался к тебе: «Ты моя единственная возлюбленная, ты моя сокровеннейшая родина, ты моя священная страсть, моя святость, мое Превыше всего», — так сильно я любил тебя, Поэзия.